

запрещается привлекать к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 5 УК РФ), а вина, в свою очередь относится к типичным признакам составов преступлений (ст. 24 УК РФ). Запрет того или иного деяния уголовным законом очевиден, поскольку Особенная часть УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений.

В этой связи представляется аргументированным неоднократно высказываемое в специальной литературе предложение о корректировке основания уголовной ответственности, предусмотренного ст. 8 УК РФ, путем его соотнесения с понятием «преступление», содержащимся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, что требует указания на общественную опасность совершенного деяния и наличие в нем состава преступления, который относится к числу основных.

Список литературы

1. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 464с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Городец, 2001. 208с.
3. Российское уголовное право / Под ред. А.И. Рарога. М.: Юриспруденция, 2014. 784с.
4. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887. Вып. 1. // <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (Дата обращения: 21.09.2019 г.).
5. Жовнир С. О понятии уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 3. С. 21-25.
6. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 384с.
7. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 720с.
8. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010. 100с.
9. Ткачевский Ю. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999. № 3. С. 38-41.
10. Благов Е.В. Об основании уголовной ответственности // Lex russica. 2019. № 1. С. 97-107.
11. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352с.

References:

1. Criminal law. The general part: textbook /under. Red. A.I. Chuchaeva. M.: Prospect, 2017. 464p.
2. Bratus S.N. Legal responsibility and legality. M.: Gorodets, 2001. 208p.
3. Russian Criminal Law / Under Ed. A.I. Raroga. M.: Law, 2014. 784p.
4. Tagantsev N.S. Lectures on Russian Criminal Law. Part of the total. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. / <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (Call Date: September 21, 2019).
5. Jovnir S. On the concept of criminal responsibility / Criminal law. 2006. No. 3. P. 21-25.
6. Bagriy-Chahmatov L.V. Criminal responsibility and punishment. Minsk, 1976. 384p.
7. Criminal law. The general part: textbook / Red. I. Kozachenko. 4th ed., rework. And dop. M.: Norma, 2008. 720p.
8. Svecharovsky I.E. Responsibility in Criminal Law. St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2010. 100p.
9. Tkachevsky Y. Criminal Responsibility / Criminal Law. 1999. No. 3. P. 38-41.
10. Blagov E.V. On the basis of criminal responsibility / Lex russica. 2019. No 1. P. 97-107.
11. Ivanchin A.V. Designing the crime: theory and practice. M.: Prospect, 2014. 352p.

УДК.347

ГРНТИ.10.27.41

КОРРУПЦИОННАЯ СДЕЛКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ НАНЕСЕННОГО УЩЕРБА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.562](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.562)

Лаптева Людмила Евгеньевна

Докт. юрид. наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

г. Москва

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса правомерности термина «коррупционная сделка» применительно к российской правовой доктрине и законодательству. Используя общенаучную и частнонаучную методологию познания, в частности, исторический, формально-юридический и компаративный методы, автор доказывает допустимость установления в законе и судебной практике юридического значения в гражданско-правовом аспекте последствий такого рода сделок. Исследуется также вопрос о наличии цивилистического элемента в коррупционной ситуации. Констатируется, что на сегодняшний день российское законодательство о противодействии коррупции не содержит специальных и действенных восстановительных механизмов, хотя выявление коррупционных сделок должно влечь за собой применение к правонарушителям гражданско-правовых средств воздействия. В связи с чем предлагаются разного рода дополнения законодательства. Для подтверждения результата исследования

используется законодательство иностранных государств (в частности, США), историческая ретроспектива развития российского антикоррупционного законодательства, а равно современное смежное отраслевое законодательство (в частности, уголовное). Автор приходит к выводу о возможности квалификации такой сделки как ничтожной, учитывая отсутствие специальной конструкции коррупционной сделки.

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the legality of the term "corrupt transaction" in relation to Russian legal doctrine and legislation. Using the popular and private scientific methodology of knowledge, in particular, historical, formal-legal and comparative methods, the author proves the admissibility of establishing in law and judicial practice the legal significance in the civil-legal aspect of the consequences of such transactions. The question of the existence of a civilistic element in a corruption situation is also being investigated. It is noted that to date Russian anti-corruption legislation does not contain special and effective recovery mechanisms, although the detection of corruption transactions should entail the application of civil remedies to offenders. In this regard, various additions to the legislation are proposed. To confirm the result of the study, the legislation of the foreign state (in particular, the USA), the historical retrospective of the development of Russian anti-corruption legislation, as well as modern related sectoral legislation (in particular, criminal legislation) are used. The author concludes that it is possible to qualify such a transaction as null and void, given the absence of a special design of the corruption transaction.

Ключевые слова: сделка, коррупция, ничтожная сделка, взятка, взятодатель, взятополучатель, ущерб, реституция, вымогательство.

Keywords: transaction, corruption, insignificant transaction, bribe, briber, bribetaker, damage, restitution, extortion.

Вопрос о правомерности термина «коррупционная сделка» до сих пор остается открытым в российской юридической науке. Практика идет по пути отрицания юридически значимых в гражданско-правовом аспекте последствий такого рода сделок. Начать с того, что в современном российском гражданском законодательстве отсутствует специальное понятие коррупционной сделки. Иногда в научных трудах используются разного рода эвфемизмы [1], но в целом бытует мнение, что практической потребности во введении дополнительного законодательного определения нет, поскольку при необходимости коррупционная сделка может признаваться ничтожной на основании ст. 169 ГК РФ как противоречащая основам правопорядка и нравственности.

В связи с отсутствием специальной конструкции коррупционной сделки, возможность квалификации такой сделки как ничтожной неизбежно связана с толкованием указанных в ст. 169 двух квалифицирующих признаков. Причем доктрина не дает пока четкого ответа на пределы допустимого толкования этих критериев. Особенно сложно оказалось уточнить вопрос о нравственности. Так, по мнению Ю.П. Егорова, «под нравственностью как критерием ничтожности должно пониматься не любое осуждаемое обществом поведение, а наиболее серьезные аморальные деяния, противоречащие принятым в обществе представлениям о справедливости, добре и зле» [2]. При этом в качестве возможного примера такой сделки приводится соглашение о создании притонов. В литературе рассматриваются и другие примеры, скажем, из области семейного или трудового права, но вопрос о безнравственном характере сделки, несущей в себе коррупционную составляющую, остается в пренебрежении. С основами правопорядка все обстоит несколько проще, поскольку эта позиция трактуется как

противоречие позитивному праву, т.е. в конечном счете действующему законодательству в широком смысле слова.

Интересно, что в ранней американской традиции на протяжении достаточно продолжительного времени не просто отсутствовало понятие наносящей очевидный ущерб обществу коррупционной сделки: оспаривалась сама уместность разговора о недействительности подобной сделки, если только она могла трактоваться как контракт. Такого рода ситуации принято было толковать в духе раздела 10 ст. 1 Конституции США, которая гласит, что ни один штат не должен принимать закон, имеющий обратную силу или нарушающий обязательства по договорам (контрактам). Облеченный правом толкования Конституции Верховный суд США в деле Флетчер против Пека [3] суд отказал штату Джорджия в праве законодательно отменить осуществленную в 1794-95 гг. легислатурой штата передачу обширных земельных пространств спекулянтам по низкой цене. И это при том, что стало известно о материальной заинтересованности членов законодательного собрания в одобрении сделки по отчуждению. Только в XX в. приоритетом в США, как и везде, становится противодействие коррупции. Так, достаточно успешно начала вводиться нормативная база, направленная на защиту инвесторов, особенно с принятием Закона о коррупции за рубежом (1977), а затем Закона Сарбейнса – Оксли (2002) [4].

В начале XX века в русской юридической литературе рассматривался и вопрос о наличии цивилистического элемента в коррупционной ситуации. Так, ставился вопрос, не заключается ли в установлении ответственности тех, кто дает взятку, повода к процветанию взяточничества. Считалось, что взяточник, убежденный, что страх наказания удержит обратившегося к нему от жалобы на лихоимство, безнаказанно обирает свою

жертву. По представлениям того времени «закон, не освобождающий от ответственности лицо, сделавшееся лиходателем поневоле, по крайней необходимости, прямо противоречит коренному началу естественного права человека на личную защиту и оборону», а значит, пострадавшему от вымогательства должны быть «открыты все пути к гласному и безбоязненному преследованию и обличению лихоимца» [5, с. 49-50].

Каковы же последствия сделки, заключенной обеими сторонами умышленно, в полном осознании ее противоречия основам правопорядка и нравственности, но в ситуации, когда на одну из сторон оказывалось давление? Закон и в этом случае говорит, что все обязательства, заключенные на противоправном основании, ничтожны. Получается, что уплаченное по такому недействительному основанию подлежит обратному истребованию на основании закона, как поступившее к ответчику безосновательно. Согласно представлениям некоторых ученых, уже конца XIX-начала XX века, отказ от реституции был бы равносителен признанию, что недействительная, но исполненная сделка становится безусловно непоправимой, тогда как сделка законная могла быть оспорена в течение срока давности даже после исполнения [6, с. 137]. Иными словами, предпочтение в случае обнаружения взятки отдавалось гражданско-правовым средствам восстановления имущественного статуса пострадавшего.

Следует заметить, что по примечанию к ст. 291 действующего УК РФ, взяткодатель освобождается от наказания, если имело место вымогательство вознаграждения и он был поставлен в положение, при котором вынужден был дать взятку, чтобы защитить свои законные интересы от неправомерных действий должностного лица [7]. Такие же последствия предусмотрены для случаев, когда лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки.

Согласно действующему российскому гражданскому законодательству, если наличие умысла установлено у обеих сторон ничтожной сделки, т.е. если обе они действовали, в полной мере сознавая противоравственный характер соглашения или его противоречие основам правопорядка, последствия несколько различаются, но только в зависимости от того, исполнена сделка обеими сторонами или одной из сторон. В первом случае в доход РФ взыскивается все полученное контрагентами по сделке, а во втором - с не исполнившей свою часть сделки стороны взыскивается в доход РФ все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного. Важным правовым последствием коррупционной сделки становится недопущение реституции. Она и правда невозможна, поскольку переданное по такой сделке обращается в доход государства. Но справедливо ли это? Есть ли способ восстановить или

компенсировать потерю действующей не по своей воле стороны?

Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (СЕД 174) [8] предполагает не только введение в законодательство присоединившихся государств понятия коррупционной сделки, но и дополнение его рядом положений, которые могут по-разному проявить себя в российских реалиях. Первым из них названо право лиц, которые понесли ущерб от коррупции в данном государстве, подать иск о возмещении ущерба (ст.3 ч. 1). При этом понятие ущерба должно включать как реальный материальный или финансовый ущерб, понесенный лицом, так и упущенную им выгоду и даже моральный вред (ст. 3 ч. 2).

Следует признать, что пока российское законодательство о противодействии коррупции не содержит специальных и действенных восстановительных механизмов, хотя по логике складывающихся отношений выявление коррупционных сделок должно влечь за собой применение к правонарушителям не только уголовно-правовых санкций, но и гражданско-правовых средств воздействия - прежде всего для восстановления прав третьих лиц, пострадавших от коррупционной сделки. Речь здесь может идти о самых разных дополнениях законодательства, скажем о четкой артикуляции права обращаться в суд с иском (в том числе в адрес казны разных уровней) не только о признании ничтожными результатов закупок, но и о возмещении ущерба для участников государственных или муниципальных закупок, которые понесли ущерб в результате акта коррупции, совершенного должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций при организации соответствующих конкурсных процедур [9].

Впрочем, сказанное вступает в очевидное противоречие с указанием Пленума ВАС РФ, что санкции, установленные за совершение публичных правонарушений, не могут рассматриваться как последствия недействительности сделок. Если сделка образует состав публичного правонарушения либо это правонарушение связано с совершением такой сделки, в рамках рассмотрения публичного спора подлежит применению ответственность, установленная за публичное правонарушение, а не последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ [10]. Именно поэтому в данном случае речь не может идти о гражданско-правовой реституции. Сказанное вполне соответствует представлениям русской юриспруденции конца XIX века, которая, разделяя подходы, отраженные в практике Правительствующего Сената, склонна была перевести разговор с ответственности государства на ответственность учреждений или должностных лиц. В те времена неоднократно указывалось, что в ситуациях, когда то или иное «государственное установление действует в качестве органа государственной власти..., то в таком качестве отвечать за убытки не может» [11, с. 334].

Как указал Верховный суд, «взятодатели, в отношении которых не решен вопрос об освобождении от уголовной ответственности, не могут признаваться потерпевшими, поэтому денежные средства, переданные этими лицами взятополучателю, не могут быть взысканы в их пользу. Изъятые деньги и другие ценности, являющиеся предметами взятки и признанные вещественными доказательствами, подлежат обращению в доход государства на основании ст. 81 УПК РФ» [12]. Однако разве приведенная позиция не исключает того, что дача взятки в ситуации вымогательства может рассматриваться как частный случай предусмотренных ст. 179 ГК РФ угрозы или насилия [13]?

Следует признать, что квалификация лица, пострадавшего от вымогательства, как взятодателя, есть лукавая позиция, которую занимает современное российское правосудие. В подобных случаях гораздо логичнее было бы вести речь именно о вымогательстве и тем самым дать деянию иную оценку и, в конечном счете, исключить такое последствие, как обращение переданного вымогателю имущества в доход государства, поскольку речь уже не шла бы о коррупционной сделке.

Поскольку ст. 291 УК РФ исключила возможность подобной квалификации вымогательства взятки, остается ориентироваться на приведенное выше мнение ВАС. Исходя из него можно сделать вывод, что рассматриваемая ситуация переходит в публично-правовую плоскость и права лица, выплатившего взятку в ситуации вымогательства, не могут быть защищены в порядке реституции. В этих случаях нет речи и о применении правил неосновательного обогащения для восстановления имущественного статуса лица, пострадавшего от коррупции, за счет иска к государству по поводу имущества, обращенного в доход государства. Такой вывод вытекает из логики закона, поскольку неосновательным считается только получение имущества без законного на то основания. Кроме того, глава 60 ГК РФ о неосновательном обогащении оговаривает, что применение соответствующих правил допускается лишь к вытекающим из недействительности сделки требованиям о возврате исполненного по этой сделке. Раз по решению законодателя ситуация вымогательства приобрела в ст. 291 квалификацию взяточничества, объективное право требовать возмещения ущерба у пострадавшей в результате коррупционной сделки стороны отсутствует. Иными словами, только суд может установить применительно к каждой конкретной ситуации субъективное право лица на такое возмещение. Пока сколько-нибудь выраженная традиция предъявления казне от физических лиц исков подобного рода в России отсутствует.

Сказанное не означает, что право вчинить государству иски, упомянутые в Конвенции 1999 г., вообще не закреплено в российском законодательстве. Но и теперь расхожим

аргументом против признания законности исков казне о возмещении вреда, вытекающих из коррупционных ситуаций, является предположение, что такая норма может быть использована не только как юридическое основание возмещения ущерба частных лиц (как физических, так и юридических), но и как фактор, провоцирующий появление новых разновидностей публичных правонарушений в форме мошенничества. Негативная позиция по поводу признания ответственности государства в какой-то мере может считаться наследием советского периода. Правда, однозначно отрицательное отношение было свойственно советской практике лишь в первое десятилетие. Тогда попытались исключить ответственность государства даже для таких видов вреда, как, например, от искры паровоза, ограничиваясь пособием нуждающимся, ибо считалось справедливым, что лица, «имеющие другие средства к существованию, вознаграждения за смерть, например, отца или сына не получают» [14, с. 10].

В марте 1927 г. законом РСФСР «О реквизиции и конфискации имущества» [15] лица, в отношении которых была допущена незаконная конфискация, получили право требовать от государственных учреждений и организаций через суд возвращения изъятого имущества и возмещения ущерба. Следующий важный этап составили ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. Закон о собственности в РСФСР от 24 декабря 1990 г. (ст.30) предусматривал, что ущерб, нанесенный собственнику преступлением, должен был возмещаться государством по решению суда с последующим регрессом на преступника. Правда, действие этой нормы было приостановлено в 1993 г., а с 1995 г. утратил силу и весь закон. Тем не менее, была подготовлена почва для закрепления принципа ответственности государства уже на конституционном уровне.

Согласно ст. 53 Конституции РФ 1993 г. «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Подобная практика имеет место преимущественно в рамках экономических споров юридических лиц с финансовыми службами или профильными министерствами разных уровней. Судами чаще всего констатируется отсутствие доказательств того, что упущенная выгода возникла в результате противозаконных действий администрации или отсутствие самого факта противозаконных действий. Так, в определении Верховного суда РФ по делу №309-ЭС16-4733 суды установили, что компенсация части процентов по кредитам сельскохозяйственных товаропроизводителей осуществлялась на основании законодательства субъекта Российской Федерации – Челябинской области и произведена в размере, предусмотренном

законом о бюджете области в редакции, действующей на день выплаты [16].

Таким образом, иски в адрес казны, в принципе, предусмотрены российским законодательством, прежде всего для юридических лиц, которые так или иначе пострадали от вызванных различными причинами действий представителей администраций разных уровней. Коррупция нередко вообще не артикулируется, но вчинение такого рода исков закон не исключает, запрещающая в известных случаях применение эстоппеля и допуская реституцию.

Проблемой при этом остается вопрос о тех, кто потерпел имущественный ущерб от вымогательства взятки. Пока действует примечание к ст. 291 УК РФ и нет возможности переквалифицировать соответствующие ситуации, судьба людей, пострадавших от вымогательства должностных лиц, остается вне поля зрения позитивного права и полностью зависит от усмотрения конкретного судьи и наличия соответствующей строки в бюджете.

Список литературы:

1. Илюшина М.Н. Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12.
2. <http://gkodeksrf.ru/ch-1.rzd-1/podrdz-4/gl-9/prg-2/st-169-gk-rf>
3. <https://www.fjc.gov/history/timeline/fletcher-v-peck>
4. Foreign Corrupt Practices Act (FCPA); US Sarbanes – Oxley Act on 30 July 2002. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/senate-bill/2673>.
5. Репинский Г.К. Несколько слов по поводу нападок на взяточничество // Юридический

вестник, издаваемый Николаем Калачовым. Выпуск второй. Спб. 1860-1861.

6. Кавалиоти С. Обратное истребование взятки (из практики Правительствующего сената) // Вестник Гражданского права. Петроград. 1915. № 1.

7. п. 10.2 комментария к ст. 290 УК РФ о требовании взятки под угрозой.

8. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ETS N 174. URL:<http://base.garant.ru/4089549/>. 23.03.2018. Оригинал на английском: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f3f6>

9. Корякин В.М. Некоторые вопросы недействительности сделок в сфере государственных закупок в свете положений Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Вестник МИТЭП. 2014. № 3 (16).

10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВАС РФ. 2008. № 5.

11. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга вторая. М. Статут. 2004.

12. Определение Верховного Суда РФ от 31.07.2007 № 48-О07-46сп

13. <http://www.gk-rf.ru/statia179>

14. Судебная практика. 1928. № 7.

15. Закон РСФСР от 28.03.1927 «О реквизиции и конфискации имущества» // СУ РСФСР. 1927. № 38. Ст. 248.

16. https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/309-эс16-4733/

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.565](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.565)

Мухитдинова Фирюза Абдурашидовна

доктор юридических наук, профессор

Ташкентского государственного юридического университета

Хайитов Шерзод Рахматуллаевич

Преподаватель

Ташкентского государственного юридического университета

Mukhitdinova Firyuza Abdurashidovna

doctor of Law,

Professor of the Tashkent State University of Law.

Khayitov Sherzod

rakhmatullaevich-lecturer-Tashkent state law University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи в современных условиях. Изучены зарубежный опыт а также исторические истоки духовно-нравственные учения мыслителей Востока. Проанализированы государственная молодежная политика в сфере гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи Республики Узбекистан.